

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МИФ КАК СПОСОБ САМОПОНИМАНИЯ

Утверждается, что персональный миф – результат работы человека по созданию своего мира с его правилами, нормами, персонажами, в нем экспериментирование человеком собственной природы, исследование этой природы в ее бездонности и безграничности.

Ключевые слова: персональный миф, смысл, диалог, возможность, символ, ценность, понимание, транспективный анализ, нарратив.

В попытке понять жизненный мир человека, тем самым особенности его (человека) жизненного самоосуществления, нельзя не учитывать то, что этот мир имеет пространственно-временную организацию, что он хронотопичен. Хронотоп выступает как динамично развивающееся ценностно-смысловое пространство человека, имеющее свое прошлое, настоящее, будущее; он динамичен, подвижен, возникает в активности индивида, взаимодействующего со средой, и эта активность распределяется «внутри» пространства и времени бытия человека, порождая его собственное пространство и время. Важнейшая характеристика хронотопа – смысл, или смысловое «время-пространство». Смысл объективирует транспективу – общее направление жизненного самоосуществления человека. Человек в процессе свободного выбора, понимания и «поступания» (М. М. Бахтин) открывает смысл и ценность собственных потенциальных возможностей, самого себя, определяет свое место в мире, восходя к вечным ценностям и сохраняет таким образом психологическое содержание хронотопа (его целостность).

Анализ диалектики сохранения и тождества в процессе изменения и становления жизненного мира предполагает изучение оформления индивидуального жизненного пути в предмете (продукте), в таком материальном образовании, в сочетании процессов (или состояний) которого заложено содер-

жание хронотопа. Содержание и динамика ценностно-смыслового пространства оформляются в продуктах деятельности человека, в которых жизненный мир не исчезает, а переходит «из формы движения в форму бытия или предметности» (К. Маркс). В качестве такого продукта может рассматриваться созданный (создаваемый) человеком текст персонального мифа.

Исследовать жизненный мир человека как «работу» по созданию этого мира, как работу по упорядочиванию хаоса, можно только в том случае, если эта работа действительно кем-то проделана, если исследователь имеет оформленный, выраженный в тексте процесс смыслопорождения. В тексте фиксированы не «готовые» смыслы, а становящиеся, представлен путь, который пройден его автором, который предстоит пройти исследователю, чтобы нечто понять. Этот путь всегда ведет человека к самому себе через порождение смыслов. Согласно М. К. Мамардашвили, «текст есть нечто такое, в лоне чего впервые рождается и автор этого текста как личность и как живой человек» [1997. С. 158]. Вербальное конструирование и создание некоторой истории ставит человека в позицию самопонимающего, самоопределяющегося, излагающего историю так, как он хочет и может. В результате человек придает смысл суе и хаосу, царящим в жизни: порядок в жизни может быть установлен лишь тогда, когда в ней удастся увидеть проявления смысла.

Созданный (создаваемый) текст включает в себя персональный миф, который есть «наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [Лосев, 1991. С. 24]. Персональный миф – «в словах данная чудесная личностная история» [Там же] – сложный комплекс представлений, переживаний, идей о себе, условий своего жизненного самоосуществления. Создавая индивидуальный миф, человек создает самого себя, расширяя и упорядочивая собственный жизненный мир посредством порождения смыслов. Автор текста обращает исследователя к месту своего внутреннего рождения, к себе, которого не было до опыта [Мамардашвили, 1997].

Персональный миф – результат работы человека по созданию своего мира с его правилами, нормами, персонажами, в нем экспериментирование автором собственной природы, исследование этой природы в ее бездонности и безграничности посредством снятия всех внешних напластований. Создавая персональный миф, человек не остается в стороне (вовне) от него, но сам вступает в создаваемый мир, исполняя в нем какую-то роль (роли). Внутри мифа создающий его «стусеивывает» себя, «погружается» в какую-либо роль (роли), взаимодействует с другими, которым сам же задает их роли. Внутри мифа человек, как и в жизни, существует как отношение, отношение к себе, вещам и миру, к своему прошлому, настоящему, будущему. В тексте персонального мифа, по сути, представлен диалог человека с самим собой, прошлым, настоящим и возможным. В этом диалоге имеет место осмысленное представление бытия во всех его жизненных измерениях, представление того, что есть и каков сам человек, что есть и каковы люди. Человек, вступая в диалог с самим собой в процессе конструирования индивидуального мифа, реализует возможность созерцать себя, создавать (перестраивать) образ мира и образ собственной жизни, постигать смысл своего существования. В этой встрече с самим собой смешение реального и нереального, воображаемого, здесь проект особого смыслового измерения, в котором представлена сфера возмож-

ного. Следует учитывать, что здесь присутствует и игровой элемент, игра же, как известно, выводит сущность в явление до всякого явного размышления.

Между имеющимся и возможным всегда есть некоторый «зазор» [Мамардашвили, 1997]. Человек, создавая свой мир воображаемого, может иначе увидеть то, что есть, иначе его понять и совершить таким образом «скачок семиотичности» (А. К. Байбурин), в результате которого все привычное обретает новый смысл. Здесь своего рода вызов действительности с ее относительно стабильными законами и жестко фиксированными значениями. В персональном мифе человек имеет возможность оторваться от бытовых устоев, в нем относительность точки отсчета, отсутствие грубого детерминизма, выход к вероятностной концепции мира. При этом человек не просто отрывается от реальности, он ее реконструирует и примеряется к ней. Здесь возможность нестандартных решений, творческого отношения к собственной жизни, возможность увидеть необычное в привычном и найти себя, вернуться к себе истинному, преодолеть отстраненность от самого себя реального, от мира, преодолеть утрату чувства реальности, если она есть.

Вступая в диалог с самим собой, человек творит пространство свободного времени. Осуществление смыслового представления жизни в определенной степени освобождает человека от уже свершившегося. Такое освобождение не позволяет, конечно, человеку уйти от последствий совершенных им поступков, но в персональном мифе есть возможность вернуться к состоянию перед выбором и стать тем, кем уже перестал быть. Иначе говоря, в персональном мифе есть возможность отстранить («остранить») от себя произошедшее и начать все сначала: прошлое вновь оказывается в распоряжении человека «здесь и теперь». Подобное возможно и по отношению к будущему: в персональном мифе человек свободен предвосхищать, создавая желаемый сценарий, свободен мысленно убирать возможные препятствия и ограничения всякому акту самоосуществления, в котором реализует готовые возможности. Смысловое представление позволяет человеку выйти в пространство, в котором все возможно (или почти все, которое во многом зависит от возраста человека), оно содержит в себе

возможность общения с «возможностями», которые человек сам же изобретает.

Посредством персонального мифа человек (вольно или невольно) стремится воссоединиться с идеалом, с символом, в котором всегда содержится невидимое, в свете которого выступают видимые вещи, в котором заложен «завершенный план бытия», с которым необходимо постоянно соотносить происходящее «здесь и теперь». Символ располагается над эмпирическими данными и выступает как «упорядочивающая структура», «сильная форма», относительно которой происходящее получает смысл [Мамардашвили, 1997]. Сопряжение себя с символом открывает перед человеком возможность породить высшие смыслы и состояния, отличные от тех, которые порождаются потоком обыденной жизни. Понятно, насколько важно при анализе персонального мифа учитывать то, что стоит за символом для человека, создавшего (создающего) миф. Одно дело, если человек ориентируется на ценности, имеющие всеобщий, универсальный и безусловный характер, которые не могут быть выражены в конечных, конкретных нормах и формах поведения; жизнь человека, ориентирующегося на такие ценности, не укладывается в жесткие рамки заданных требований и правил. Другое дело, если для человека доминирующими являются деструктивные и разрушительные ценности, точнее, антиценности, за которыми стоит бессмысленное, пустое времяпрепровождение вне истинных ценностей.

Благодаря «скачку семиотичности» человек обретает новый фокус видения, открывает новую смысловую перспективу привычных явлений и понятий, выходит на новый уровень понимания мира и себя в нем. Понимание позволяет оказаться в измененном сознании (состоянии), которое не всегда лучше (или хуже) уже знакомого, но оно всегда другое, и встреча с ним – обретение нового духовного опыта, творение самого себя. Понимание, самопонимание учат не просто существовать, «учат» жить, проживать каждое мгновение бытия, чувствовать жизнь, делают человека человеком, не позволяют ему стать «штифтиком». Человек, стремясь понять себя, осуществляет попытку разрушить автоматизм личного восприятия жизни посредством «остранения» (В. Шкловский), посмотреть на себя,

на собственную жизнь с неожиданной, необычной стороны, сделать обычные события странными, открыть их новые грани.

Персональный миф является, таким образом, особым способом понимания жизни вообще и своей собственной жизни в частности; он, являясь орудием понимания человеком себя в целостной жизни, открывает возможность увидеть реальность, которая всегда закрыта «экраном кажущейся жизни». Согласно К. Ясперсу, психическая дифференциация включает в себя «приумножение качественных форм опыта»: смутная инстинктивная жизнь посредством рефлексирования осознания личностью самой себя обогащается новым содержанием, становится более ясной и осознанной, расширяются возможности мышления, понимания, образа действий, различения и сопоставления [Ясперс, 1997]. Персональный миф – это, безусловно, наиболее яркое выражение феномена осмысления человеком собственного жизненного самоосуществления и одновременно создания им своего жизненного мира, что происходит в процессах смыслопорождения – основы *живой жизни* и постижения ее глубинных оснований.

Представляется возможным, анализируя персональные мифы конкретных людей, выявить универсальные закономерности, присущие человеку как психологической системе. Следует иметь в виду, что в персональном мифе (в единичном факте) представлен определенный тип явлений, всеобщий принцип, сущностная закономерность, которые следует выявить, осуществляя движение от конкретного, единичного к всеобщему.

Персональный миф, являясь целостностью, содержит множество интерпретаций. При этом он не имеет конечной, исчерпывающей интерпретации, будучи безграничным в своем содержании. У всякого текста есть множество смыслов и способов их передачи, он создан из символов, смутных воспоминаний, ассоциаций, цитат, отсылающих к пространству жизни автора, к необъятному пространству жизни как культурного феномена. Текст находится в постоянном движении и развитии. Ни один рассказ не является однозначным, ни одно высказывание, даже самое простое, не имеет единственного смысла, точного значения. «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого

смысла будет свой праздник возрождения» [Бахтин, 1979. С. 373]. Цель исследователя в том, чтобы проникнуть в смысловой объем текста, проследить пути смыслообразования, смыслопорождения.

Объективная сложность понимания персонального мифа, находящегося в процессе постоянного обновления, состоит в том, что его содержание раскрывается понятиями, за которыми стоит сверхчувственная реальность (значение, смысл, ценность). При этом понять и объяснить необходимо не эффекты, не то, что пришло в сферу сознания, а тот путь, который психическое явление проделало в своем движении в эту сферу, включая и то, откуда все начиналось. Перед исследователем продукт работы, в структуре которого кристаллизовалась деятельность его создавшего, его смыслы, ценности, его жизненный мир.

Во встрече с персональным мифом открывается возможность приблизиться к пониманию человека. Но как реализовать эту возможность, как избежать при интерпретации текста жизненного самоосуществления человека редуцирования к элементарному? Понимание события, его смысла, согласно М. К. Мамардашвили, становится возможным при наличии у нас некоторого «полного текста», экрана для «остранения». Речь идет о преодолении постулата непосредственности, «о восприятии, опосредствованном душой». Прорыв из причин и следствий, совершаемый посредством «полного текста», делает возможным переход с уровня наличной ситуации на уровень смыслов. О-смысл-ение смыслов позволяет увидеть происходящие события в другом масштабе: исследователь приближается к пониманию и объяснению целого, становясь при этом свободнее, обнаруживая «феномен полного внутреннего самоопределения», поступая в соответствии со своими ценностями. Иначе говоря, чтобы уйти от феноменологии и выйти к целому, необходима «объяснительная схема», которая позволяла бы понимать и объяснять психологическую реальность, выявляя общие закономерности, абстрагируясь от случайного, через «прочтение» смыслов происходит выход к целостному человеку с его становящимся жизненным миром.

«Выйти за пределы непосредственного опыта» (Л. С. Выготский) в процессе понимания персонального мифа, стоящего за ним

жизненного мира человека, представляется возможным посредством трансспективного анализа, основная установка которого – становление, через которое («в котором») необходимо изучать открытые самоорганизующиеся системы [Клочко, 2005]. Взгляд на человека как психологическую систему, открытую в мир культуры, социум, природу, предполагает распространение на него универсальных принципов самоорганизации, обретающих на уровне человека свою качественную специфику. В логике трансспективного анализа, центрация должна происходить не на ставшем, изучение которого требует ретроспективного анализа, не на становящемся даже, а на том, чтобы ставшее и становящееся понять и осмыслить в общей динамике становления человека как открытой системы, чтобы выйти из статики состоявшегося в динамику становящегося. В поле анализа, таким образом, должно попасть то, что происходит в ценностно-смысловом пространстве «героя», в многомерном пространстве его многомерной жизни.

Транспективная стратегия ориентирует, в каком направлении следует размышлять относительно исследуемого предмета, насыщает мысли о нем определенным отношением, переживанием. Она рассматривается нами в качестве основания ценностного отношения к предмету исследования, привносящего в него (исследование) «избыток видения» и «оживление» предмета исследования. Транспективная стратегия выступает для исследователя существенным элементом его выстроенного в профессиональном обучении и профессиональном опыте виртуального «субъекта-символа» (Е. Е. Сапогова), открывающего возможности более полного понимания целостного человека, заявляющего себя в своем персональном мифе. Вскрывая «историю осуществляемых ожиданий», осуществляя анализ в движении, исследователь занимает и реализует диалогическую позицию, утверждающую «самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя» (М. М. Бахтин), способствующую также расширению, усложнению экзистенциального пространства самого исследователя.

Создатель нового текста (исследователь) приходит к пониманию человека через длительный процесс «всматривания» в его персональный миф посредством виртуального

«субъекта-символа» (элементом которого выступает транспективная стратегия). Только с *живым предметом исследования* может возникнуть диалог, со-творчество, соответствие как на уровне мыслей, представлений, так и на уровне переживания, целостности респондента и исследователя. Исследователь в таком диалоге, действуя, «поворачивая» значение, занимая определенную позицию (определенный способ видения), всякий раз находится в поиске единственно возможного в данный момент ответа на вопрос о смысле (смысле). Чрезвычайно важна здесь работа переживания, в которой переживания трансформируются до их смыслового принятия, в результате которого происходит подобное инсайту усмотрение смысла там, где только что его не было, рождается смысл (как ответ) на основе переживания целостного «героя» и себя. Рождение такого смысла знаменует выход к «герою» и к себе, к познанию истины о нем и о себе, в результате чего происходит упорядочивание жизненного мира обоих, открываются новые возможности, перспективы. Своими действиями исследователь непрерывно изменяет ситуацию, в которой находится, непрерывно выходит «за пределы самого себя», творя собственный жизненный мир и «мир героя».

В качестве инструмента реализации транспективного анализа персонального мифа и жизненного мира, стоящего за ним, может быть использован нарратив, который

максимально чувствителен к изменчивой природе человеческой реальности. Важнейшая атрибутивная характеристика нарратива – его самодостаточность и самооценность. Один из путей обретения исследователем знаний о мире человека – объяснительная реконструкция соответствующих обстоятельств, которая могла бы позволить объяснить произошедшее (происходящее, опыт) посредством его преобразования в повествовательную структуру, нахождения некоторого порядка в истории с целью выявления некоторой закономерности.

Список литературы

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 189 с.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. С. 21–186.

Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. 571 с.

Ясперс К. Общая психопатология. М.: Изд-во «Практика», 1997. 1056 с.

Материал поступил в редколлегию 12.09.2011

E. V. Nekrasova

PERSONAL MYTH AS A MEANS OF SELFUNDERSTANDING

It is stated that a personal myth is the result of person's attempt of creation personal world with its rules, norms, personages where person's experiment over his own nature, investigation of the nature in its bottomlessness and endlessness.

Keywords: personal myth, sense, dialogue, symbol, value, transpective analysis, narrative.